

Глава 14. Братья семьи Чэн. Окончание

Через три дня, наконец-то, прибыла семья Чэн Чжи. Еще до их появления Шаошан уже знала, что третий дядя несомненно – самый любимый сын матушки Чэн.

Выполнив ежедневную постоянную программу (спросить о самочувствии матушку Чэн), она с удивлением обнаружила, что матушке Чэн было совершенно не до придинок, а если точнее, даже если бы она позабыла спросить о ее самочувствии, матушка Чэн и не заметила бы этого. Потому что матушка Чэн была занята на восемьдесят процентов ценными вопросами к госпоже Сяо: от вопроса какой пахтой утоляет жажду Чэн Чжи до вопроса какой водой моет он ноги, от начинок лепешек и пирожков, которые любит Чэн Чжи, и до внутренностей его подушки. Способность ассоциативно мыслить была разнообразна, так сказать, почувствуйте природу простейших вещей без всяких ограничений, прямо-таки уровень комментатора на соревнованиях международного уровня!

Госпожа Сяо не выдержала, выразительно взглянув на проходящую мимо бабушку Ху, спешно ретировалась, вызывая у матушки Чэн поток воспоминаний о прошлых делах типа «а вот А-Чжи в нашей семье»: от колыбели, где он мочился, до его выделяющейся из толпы фигуры, вплоть до того момента, когда у него появился острый кадык, так сразу некая деревенская девушка (либо матушка деревенской девушки) начала путаться с ним – бабушка Ху от большого множества разговоров выглядела как обкурившаяся, и даже в этом случае матушка Чэн реализовала свою мощь лишь процентов на восемьдесят.

Эта была ситуация, где Шаошан опять не понимала многочисленных обычаев – кроме того, она полагала, что те, кто не знает, что матушка Чэн ждет сына, подумают, что этот поток слов существует ради того, чтобы увидеть давно потерянного старого любовника.

Только лично увидев человека, о котором шла речь – третьего дядю, Шаошан сразу же раскаялась в собственной ограниченности.

Чэн Чжи был мужчиной незабываемой красоты, заставляющей людей забыть о всем мирском. На вид ему где-то около или за тридцать лет, у него росла бородка ученого, имелись белый цвет лица и изящная внешность, он был ярким молодым мужчиной, словно поросшие светло-зеленым лесом горы, а его улыбка была подобна весеннему ветру, веющему в лицо. С тех пор, как Шаошан очутилась здесь, наиболее красивой среди женщин безусловно была госпожа Сяо, однако пока еще не было среди мужчин человека, который бы ее ослепил.

И вот в своем сердце Шаошан ослепла на добрую пару секунд, как где-то впереди услышала «Ах!» матушки Чэн и уже ласковым тоном, потом та вздохнула в восхищении, одной рукой она гладила бурно вздымающуюся грудь, устало смотря сквозь слезы, а затем сопровождая повторяющимися «Сын мой!», рванулась к нему, начала щупать грудь Чэн Чжи, спрашивая «Разве не отоцал?..», снова обнимала его за плечи, распекая при этом «Ах, ты, маленький неблагодарный, ты через столько лет вернулся домой!», бабушка Ху не могла сдерживать ее, а стоявшей рядом с Чэн Чжи его жены – Сан-ши – как будто совершенно не существовало.

Шаошан пошатнулась, почти засмеялась, ее узкие меридианы жэнь-май и ду-май* очистились напрямую, она крепко ухватилась за ход мыслей, стабилизируя себя как в былые времена. Это всего лишь пожилая мать, разыгрывающая образцовый спектакль, какой там старый любовник, прямо-таки состарившаяся сестрица, оплачивающая и поддерживающая на острие своего сердца красавца-парня, эх.

*☐☐☐☐ – точки меридианов из китайской медицины, входят в число восьми необычных меридианов.

Чэн Шаогун неслышно шагнул вперед, приблизившись к Шаошан, заговорив ей прямо в ухо:

-Успокойся, матушка смотрит на тебя, – Шаошан закатила глаза, но действительно госпожа Сяо смотрела на нее с неудовольствием. Она торопливо сжала губы и, исполненная достоинства, выпрямилась. К счастью, Сан-ши подошла к госпоже Сяо и потянула ее за собой, и вдвоем они о чем-то разговаривали, улыбаясь, а госпожа Сяо в дальнейшем совсем перестала уделять внимание Шаошан.

Люди стекались по направлению к главному залу, и Чэн Шаогун, вновь приблизившись, зашептал ей на ухо:

-Твое выражение лица чересчур непреклонно.

Шаошан, нахмурившись и сделав страдальческую мину, сказала:

-Почему матушка все время пристально смотрит на меня? Я понимаю, что мое поведение непочтительное, но это нечестно, ведь я исправляюсь медленно.

Чэн Шаогун сказал шепотом со смешком:

-Матушка боится, что мы привыкнем, и в будущем на чужбине, по рассеянности, нас могут застать в неподобающем виде. В свое время она не оставляла нам свободного времени и не спускала глаз с нас, и звала людей, чтобы они пристально следили за нами.

-Итак, все старшие братья совершенно одинаковы, что при других людях, что когда о них говорят за их спинами? – Шаошан всей душой выражала скепсис.

С того дня она признала, что первые два старших брата были всегда спокойны, были ли они заняты поиском учителя, посещением ли друзей, вели светскую жизнь или принимали гостей, но этот ее старший брат-близнец приходил к ней три раза в день, и они подружились, даже не будучи хорошо знакомыми.

-Нет, мы подкупили этих людей, – Чэн Шаогун спрятал руки в рукавах, очень степенно и весьма воспитанно улыбнулся.

Шаошан:

-...

Она напустила на себя строгий вид, отказываясь разговаривать с этим учеником младших классов средней школы, за собой же сохранив высокомерный вид студента престижного университета.

Близнецы медленно шли позади толпы людей. Чэн Шаогун искоса глянул на Шаошан, если бы его близняшка – младшая сестра, действительно была такой, как судачили люди, – глупой, своевольной и надменной, он вряд ли испытывал бы такой энтузиазм. Только раньше он и не догадывался, что его молодая сестра такая занимательная, с такой детской внешностью она ведет себя почти по-стариковски, и время от времени то, что лежит на ее душе, появлялось и на лице. И временами ее слова, разумные и смысленные, заставляют его смягчиться, а временами от колючих и ехидных слов хочется рвать кровью.

Относительно же того, отчего это зависит, то согласно ее собственному утверждению: «либо от настроения, либо от погоды»... Чэн Шаогун в это время как раз размышлял, как эту маленькую девочку, на голову ниже его, он крепко схватит и отмутузит.

Встречаясь последние несколько дней, она непрерывно спрашивала об обстановке вне дома, что-то вроде «в каком месте уничтожили бандитов», «можно или нельзя женщине уезжать из дома для развлечений», «какое количество дань дает урожай с возделанной земли», «всем ли чинам можно заниматься торговлей, зарабатывая себе на жизнь» ... и нудно задавала вопросы без счёта, поддавая и с востока молотом, и с запада топором*, порой даже спрашивала о самых-самых заурядных событиях, как будто она была ребенком или была подобна дикому человеку из глухомани, только что прибывшему в мир людской, одним словом, это было истинное во всех отношениях невежество.

*Здесь автор немного переиначил известную идиому : 东挥榔头西挥棒子 dōng yī lángtōu xī yī bàngzi – дать с востока молотком и с запада палкой.

Такая оригинальная и противоречивая ситуация заставила его размышлять о том, как Гэ-ши раньше воспитывала Шаошан, и вспоминая об этом, Чэн Шаогун не выдерживал и становился еще более мрачным, поэтому до настоящего времени и не поколотил ее.

.....

К великому пиршеству были приготовлены разнообразные кушанья, госпожа Сяо заблаговременно озаботилась и принесла прожаренные медвежьи лапы, которые она готовила почти сутки. Шаошан, весьма тронутая таким вниманием, получила при дележе почти половину, и положив в рот кусочек, заметила, и жирность, и плотность, и свежесть, и нежность со сладким привкусом у этого мяса, и чем больше она жевала, тем лучше ей казался его вкус.

Впервые в жизни отведав такую редкую вещь, Шаошан целиком сосредоточилась на еде, и подняла голову только к тому времени, как третьего дядю Чэна уже потянули в сторону места матушки Чэн, где и продолжили его опять щупать и гладить, Чэн Чжи не смог в конечном итоге своевольничать, отступать ему было некуда, даже палочки для еды не мог больше

держат. Поэтому похав несколько раз, не отрывая взгляд, он подмигивал старшему брату, взывая о помощи, откуда ему было знать, что Чэн Ши только и будет сидеть и хохотать, скорчив лицо в удовлетворенную улыбающуюся мину, однако Шаошан всё-таки разглядела в его глазах вполне очевидную радость чужой беде.

Было похоже, что госпожа Сяо и Сан-ши в очень хороших отношениях, они поставили рядом свои столики и сидели вместе, и ели, и пили, наслаждаясь беседой. Если сравнивать с изяществом и красотой третьего дяди Чэн, то внешность Сан-ши действительно была заурядная, самое большее можно сказать – выше среднего уровня, а обо всем облике – не более, чем о нежном и милом, манеры – естественные и приветливые, куда лучше, чем у практически восьмидесяти процентов красивых женщин.

Чэн Чжи с женой растили двух сыновей и одну дочь, старшая дочь была почти одного возраста с Чэн Сяочжу, у ней только что выпали молочные зубы, чертами лица она пошла в отца, маленькая девочка обещала вырасти несравненной красавицей. Двое сыновей были близнецами, с малышом Чэн Оу одного возраста и товарищами по учебе, такими же утонченными и достойными как Сан-ши, ну, идеальное соответствие законам генетики. Трое детей из-за усталости в дороге уже были отнесены няней в свои комнаты, где поели и сейчас отдыхали.

Матушка Чэн своей горячностью, похожая на кучу факелов, обжигала, однако лишь одного Чэн Чжи, и совершенно не ощущала, что есть еще и посторонние лица помимо него. Сан-ши, повернувшись лицом к ней и поклонившись, получила в ответ холодным тоном «Хм», и по нему стало понятно, что она вообще женой младшего сына не считается.

У Шаошан, любящей посплетничать, в душе все бурлило, потихоньку она пододвинула свой столик на цунь в сторону находящегося сбоку Чэн Шаогуна, прошептала:

-Бабушка и третью тетюшку тоже не любит?

Чэн Шаогун осмотрелся вокруг, заметив, что никто не обращает на них внимание, пододвинул свой столик чуть больше, чем на один чи, непосредственно оперся на него, прежде для вида два раза, а потом еще два раза громко кашлянул, только тогда прошептал:

-Четвертая младшая сестра, почему же ты используешь слово «тоже»?

Шаошан закатила глаза:

-Если ты хочешь сказать, что между матушкой и бабушкой сердечные отношения и они сливаются воедино в неугасающем чувстве, а любовь их крепче золота, в таком случае сделай вид, что я только что у тебя ни о чем не спрашивала!

Она опять стала притворяться!

Чэн Шаогун вздохнул, поднял половину собственной медвежьей лапы и поднес ее ближе к Шаошан, попутно говоря:

-Третья тетя сама просила взять ее в жены третьего дядю. Но старая бабушка полагала, что третий дядя способен был жениться на ком-то, кто куда лучше нее. Во время юности слава третьего дяди, простиралась далеко и не имела равных в деревне.

Шаошан, сияя от радости, устремила свой взгляд на медвежью лапу перед собой, подняла обе руки в знак приветствия, сложив белоснежные круглые кулачки и впервые поблагодарила от чистого сердца, склонившись, сказала со смехом:

-Третий дядя такой хорошенький, с отцом и со вторым дядей совершенно не схож, верно, он более всех походит на дедушку.

Чэн Шаогуна нравилась его младшая сестренка, ее очаровательная наивная внешность, поэтому все было рассказано им в тот же миг.

Дедушка Чэн, конечно, был красавцем-мужчиной. В прошлом, при последней династии, народ в массе своей обнищал, семью Чэн ростовщики довели до разорения и гибели, а он, ученый, не имел никакой квалификации, кроме музыкальной. Конечно, честолобивый, но еще никогда не занимавшийся никакими делами красивый мужчина, был очень ограничен в заработках, в конце концов стал бедствовать на чужбине, пока не достиг деревни, где матушка Чэн, увидев его, увлеклась с первого взгляда. Она довольствовалась тем, что они связали себя браком.

С этих пор дедушка Чэн получил беззаботную жизнь. Во время смуты, дойдя до скитаний, он жил в крайней нужде, а теперь у него появилось свободное время, когда можно было прикоснуться к музыке, и он записывал и записывал мелодии цитры; матушка Чэн получила прекрасного мужчину, хотя, то что он ей рассказывал, она большей частью не понимала, однако, ежедневно она смотрела на красивого мужчину и была способна съесть две чашки риса, а ночью они засыпали вместе - и это было для нее все равно, что оказаться в цветочном облаке, поэтому она была не в силах сдержать свою радость.

-Поистине какой крепкий и счастливый брак! - Шаошан боялась повышать голос и только и могла, что тихонько ударить по столу ладонью.

Чэн Шаогун пристально смотрел на нее, полагая, что она либо не понимает сути проблемы, либо с его разъяснениями проблема. Мужчина и женщина в последние годы жизни едва ли говорили друг другу три фразы в сутки, как ни крути, - эти супруги были несчастливы; они, братья, с детства видели большую любовь между отцом и матерью и, конечно же, они не одобряют подобную модель ледяных отношений между супругами.

-Какой брак счастливый и крепкий? Способность каждого получить в нем по своим потребностям - это и есть хороший брак, - понизила голос Шаошан, шаг за шагом наставляя этого ученика младших классов, - ты вырастешь, вступишь в брак, и тебе все сразу же станет ясно.

Из-за чего второй дядя Чэн не в ладах с женой? Потому что Гэ-ши стремится получить от второго дяди Чэн то, что он не может ей дать, так появилась вечно ноющая женщина; а Чэн

Ши с женой могут получить друг от друга именно то, чего они хотят, естественно, и жили они в добром согласии и счастливо.

Чэн Шаогун уставился на нее, уже подготовившись дать колкий ответ «Если я вступлю в брак, то тебе не пришлось бы разве...», кто же знал, что сидящая на почетном месте матушка Чэн неожиданно повысит голос на Сан-ши, вышедши из себя от гнева, она сказала:

-...хочу тебя спросить, я отдала тебе А-Чжу на все эти годы, почему он стал таким худым?!

Близнецы немедленно приостановили разговор, смотря на другую сторону, оказывается, Чэн Чжу в конечном итоге не смог вытерпеть «материнскую любовь», прилагая все свои силы, чтобы высвободиться от матушки Чэн и возвратиться на собственное место на банкете. Матушка Чэн видела, как ее младший сын обращался с ней подобным образом, и ей волей-неволей приходилось выпускать гнев на Сан-ши, несмотря на то, что у Чэн Чжу было румяное лицо, ясно всем видимое, и соответствующее телосложение, было совершенно очевидно, что состояние здоровья у него было отличным.

Оказавшись, что вполне очевидно, перед подобным трудным вопросом, Сан-ши не спеша опустила палочки для еды и приветливо сказала:

-Разумеется, снаружи не так хорошо как дома. Если бы он не был официальным лицом на чужбине, мне бы очень хотелось, чтобы этот сын изо дня в день старался доставить радость служа родителям, и очень хорошо его кормить, чтобы он стал пухлым. Лучше... - она искоса посмотрела на мужа и без колебаний выбила мяч в аут, - почему бы матушке на этот раз не последовать с нами к месту службы?

Теперь Чэн Чжи пришел в замешательство, пару раз робко кашлянув, сказал:

-Конечно, даже я лучшего и не придумаю, однако, что же превосходный старший сын? Если мать последует за младшим сыном и будет тяжело трудиться, не потеряет ли лицо старший брат?

Мяч пнули под взглядами толпы прямо в Чэн Ши, он с полной невозмутимостью сказал:

-Ничего страшного, матушка по правде никак не успокоится, продолжая беспокоиться о сыне. Она просто побудет некоторое время, лишь... - он намеренно потянул время и вздохнул, - дальние края отличаются от столицы, если матушка способна переносить лишения - тогда ей будет хорошо.

В этот раз матушка Чэн была в нерешительности.

Она в молодости тяжело трудилась и теперь боялась перенести все это вновь. Все эти годы в усадьбе, положим и в некотором одиночестве, однако все это время она уже привыкла жить в праздности, пусть она и очень любит младшего сына, однако совсем не мечтала опять тяжело работать - поэтому разговор на эту тему сразу же оказался в долгом ящике.

Шаошан с интересом наблюдала за Сан-ши, она не знала, что Сан-ши с таким же интересом наблюдала за ней, последняя чуть-чуть улыбнулась, Шаошан же напротив замерла. Толпа людей в это время опять начала потягивать вино и вести оживленную беседу, она поспешно склонила голову, чтобы спросить о прошлом Сан-ши.

Чэн Шаогун сказал:

-Третья тетька - дочь хозяина горы Байлу, в то время чин отца не был высоким, третий дядя к тому же по-прежнему постигал высоты науки и был не известен. Можно сказать, что этим браком мы выбились в люди. Только бабушка все еще полагает, что третья тетька не подходит третьему дяде.

Шаошан презрительно фыркнула:

-Оставь, возможно, если бы мы разыскали прекрасную небожительницу и выдали ее за третьего дядю, то бабушка обрадуется. Тем более это касается... - она насмешливо улыбнулась, - возможно ли, чтобы сама бабушка подходила в браке дедушке?

Чэн Шаогун пристально смотрел на младшую сестру, его внезапно осенило:

-Шаошан, похоже, ты не относишься с почтением к бабушке!

Шаошан со сноровкой держа в одной руке кинжал, а в другой палочки для еды, не спеша разбирала половину медвежьей лапы:

-Посмотри на второго дядю.

Чэн Шаогун не понимал, повернув голову, в этот самый момент увидел, что Чэн Чэн молча, поникнув головой, постоянно, чашкой за чашкой пьет вино, с головы до ног - равнодушный и замкнутый; если бы Чэн Ши время от времени не окликал его и не разговаривал, то он просто бы заливал горе вином. В конце, на своем месте Чэн Ян, опустив голову, также сидела и тосковала, время от времени шепотом уговаривая отца немного реже пить вино - Чэн Шаогун только что понял, ведь сегодня Чэн Чжи вернулся домой, и матушка Чэн вела себя так, как будто не замечала попросту этого своего сына, и в дальнейшем не обмолвилась с Чэн Чэном ни единым словом.

-Я слышала, как тетушка Цин говорила, что ногу второго дяди искалечили в семье, - лицо Шаошан расплылось в улыбке, однако выражение глаз было холодным, она продолжала разделку медвежьей лапы, - ему не давали возможность развиваться десятком лет, и это также было ради семьи. Батюшка и третий дядя были вдали от дома, в столице не было никого, он был глазами и ушами, необходимыми, чтобы быстро передавать вести. Но он делал все ради семьи, в конце концов, может ли быть у бабушки чуть-чуть жалости?

Чэн Шаогун не смог ничего сказать, слова застряли в горле.

-Все люди исходят из соображений собственной выгоды, кто бы мог подумать, какими снобами стали родители по отношению к детям. Бабушка опирается на отца, любит третьего дядю и последние десять лет не обращает внимания на второго дядю.

Голос маленькой девочки был очень красивым, однако ее слова более походили на остро отточенный серебряный клинок в ее руке:

-Она прекрасно знала, что вторая тетя оскорбляла второго дядю, с ее подавляющей силой, справилась бы на раз со второй тетей. Это было так трудно? Однако ее нет, она целыми днями напролет только и заботилась о собственном комфорте, что-то другое ей было целиком и полностью неинтересно. Вторая тетя была в состоянии радовать ее? Способна помочь ей? Сделать то, сделать это? Именно поэтому страдания второго дядя ей были не видны.

Шаошан отложила ложку и палочки для еды, хорошо разделив медвежью лапу, отделенную половину она отдала обратно Чэн Шаогуно:

-У всех людей имеются достоинства и недостатки, и если родители относятся к детям, выбирая по силе или судят по внешности, то зачем младшему поколению почитать их?

Чэн Шаогуно с глупым видом держал в руке маленькую тарелочку, Шаошан уже начала кушать свою четверть медвежьей лапы, ела она с аппетитом, как будто только что эта чуждая здесь, содержащая в себе мрачные слова, речь, вообще была не ею произнесена.

Шаошан уже ела несколько минут, как вдруг подняв голову, сказала:

-Не следует, чтобы об этих словах узнали, ведь потом матушка будет читать мне еще больше нотаций.

Чэн Шаогуно словно очнулся ото сна, говоря снова и снова:

-Наши с тобой разговоры я никогда никому не передам. Знаешь, мы ведь с тобой провели вместе в матушкиной утробе целых девять месяцев. Не считая родителей, и даже братьев, мы с тобой самые родные!

Шаошан просияла, ради засахаренных фруктов и порции медвежьей лапы решила непоколебимо довериться этому ученику младших классов средней школы с темными бровями и большими глазами. Однако, через много лет после этого, ей страстно хотелось надавать себе затрещин...

Ночью того же дня, в месте проживания Чэн Ши и его жены, по обеим сторонам стояли две бронзовые лампы в половину человеческого роста, с наполненными жиром чашами, и освещали деревянный пол из японского лакированного дерева, переливающегося цветами черного нефрита. Чэн Шаогуно с неуверенным лицом сидел на коленях перед отцом и матерью и спешно с серьезностью пересказывал весь разговор состоявшийся у них с младшей сестрой в этот день, в душе он говорил себе - если бы Шаошан была здесь, она несомненно яростно бы отругала себя!

У супругов, слушавших его, было совершенно разное выражение лица.

Чэн Ши пригладил бороду, сказал со вздохом:

-Няоня придает большое значение порядочности, она обратила внимание на все годы страданий ее второго дяди и хранила их в памяти, – его глаза заслезились, – в этом доме все еще есть кто-то, кто переживает о втором младшем брате – что он ест, как ему тяжело!

Однако госпожа Сяо хмуро сказала:

-Дитя невежественно, как можно осуждать старших?!

После окончания этой фразы муж и жена посмотрели друг другу в глаза.

Чэн Шаогун, не обращая внимания на мрачное выражение лиц родителей, вытерев лоб рукавом, сказал:

-Батюшка, матушка, ни в коем случае не предавайте меня, иначе в будущем я никогда больше ничего вам не скажу! Матушка, не читай нотации Шаошан, иначе она все узнает!

Не ожидая, когда госпожа Сяо начнёт говорить, Чэн Ши, взмахнув рукой, сказал:

-Не волнуйся! Няоня не узнает. Теперь ты можешь уйти.

Чэн Шаогун поклонился, прося разрешения их покинуть, и уже уходя, непрерывно оборачиваясь, настойчиво просил «ни в коем случае не раскрывать истинное положение дел», посему, потеряв терпение, госпожа Сяо устроила ему головомойку, и только тогда он спешно ушел.

Увидев, что сын вышел, госпожа Сяо пристально посмотрела на своего мужа:

-Это твою мать она осуждала!

-Ну и что? – с полным безразличием сказал Чэн Ши. – Я также осуждаю свою мать.

Госпожа Сяо:

-...

-Тем более... – Чэн Ши взяв со столика чашу с отваром от похмелья, выпил ее одним махом, с силой опустил ее назад, – слова Няоня неверны! Матери досадно, что нельзя А-Чжу посадить при себе в клетку, на какой бы небожительнице он не женился, все одинаково. Ещё и в придачу, мать – действительно сноб! С детства она не обращала внимания на второго младшего брата, по поводу и без повода рассказывала, что у него не хватает таланта и способностей, но попросту, часто мимоходом использовала его!

Госпожа Сяо начала роптать и только-только подумывала заговорить, как Чэн Ши поторопился и опять перебил:

-Только не начинай опять про «не нужно только осуждать старших», в таком случае ты просто повторяешься!

-Мне не нравится выбранная тональность этих конфуцианских учений! Старшее поколение – люди, а не – святые, никогда не допускающие ошибок. Неужто, если старшее поколение ошибается, молодежь должна позволять им ошибаться? Только тогда это назовут сыновней почтительностью? – недовольно сказал Чэн Ши. – По твоей логике, когда матушка обижала тебя, мне просто следовало смотреть? Наша семья была в состоянии кое-как прожить до настоящего времени, именно потому, что я и А-Чжу не послушали слов матери и разъехались отсюда в поисках средств к существованию, и мы делали и делали то, что должны были делать, чтобы сегодня была счастливая жизнь!

Этот пример был чересчур показательным, госпожа Сяо затруднялась его опровергнуть, спустя долгое время она сказала со вздохом:

-По здравому смыслу все верно, только в самом деле, сколько лет Шаошан, чтобы вот так нагло оценивать старшее поколение? На самом деле это неуместно. Еще есть Шаогун, и его изъясн – стремление доносить, и он по-прежнему не исправился. Два старших брата когда-нибудь не удержатся и жестоко его избыют! Но их таких теперь двое, и рано или поздно их языки навредят им!

Чэн Ши напротив усмехнулся:

-В конце концов они ведь близнецы, имеется все-таки сходство! – с этими словами вздохнул. – Я понимаю твою точку зрения, однако мысли Няоня слишком серьезны, ни с того ни с сего слова, затаенные в сердце, не рассказывают другим. Я сначала полагался на Ян Ян, младшие сестры могут говорить о чем угодно, когда узнают друг друга получше. Кто же знал, что Ян Ян, увидев Няоня, станет похожа на мышь, спасающуюся от кошки. Благо есть Шаогун. Шаогун также опекает Няоня с любовью, в этом нет ничего плохого!

-Ты любящий отец, я строгая мать!

Госпожа Сяо притворилась разгневанной, подумала, а потом сказала:

-Тебе не нужно укорять Ян Ян. По-моему, это ее подход к правилам приличия и вежливость. Она способна различать истину и ложь, понимая, что ее собственная мать не права, однако ребенок не говорит матери об этом или возможно ли, чтобы, разговаривая с Няоня, она сказала: «Извини меня, я понимаю, что в последние десять лет у моей матери были жестокие планы, она публично оскорбляла челядь, членов семьи, прессовала крестьян, внутри дома подливала масла в огонь и сталкивала всех лбами, многократно препятствовала вам, не разрешая старшему брату отца и тётушке, его жене, забрать тебя к себе, поистине она совершила все возможные подлости»?

Чэн Ши, просверлив ее гневным взглядом, сказал:

-Почему нельзя говорить?! Да – значит да, нет – значит нет, хорошо бы разобраться в этом, чтобы семья могла жить дальше. Я мало возражаю против ошибок матери? Но мне следует выказывать почтительность к родителям, и я продолжаю выказывать почтительность к родителям, разве любовь между матерью и сыном от этого слабее? Вы чересчур много учитесь, и только этим ставите всех в затруднительное положение.

Госпожа Сяо разозлилась, упала навзничь и, отвернувшись от него, не собиралась разговаривать далее.

Кто знал, что Чэн Ши внезапно сменит тему разговора, неторопливо сказав:

-По моему мнению, тебе следует поучиться у меня время от времени осуждать собственную мать, и ты успокоишься. Никогда не будет у тебя не только на душе обиды, но и накапливаться они не будут. Ты же по поводу и без повода постоянно упрекаешь Няоняо...

Госпожа Сяо, задышавшись, дрожала всем телом, очень долго ни слова не говорила, потом сказала:

-Ты же заметил.

-Я не слепой, - Чэн Ши, неторопливо переместившись ближе к ней всей своей крупной фигурой, прошептал: - В прежние года я видел твою матушку издали, хотя прежде мне было неясно, я лишь замечал, что Няоняо пусть и красива, но не походит на меня и тебя, и только потом постепенно вспомнил.

Он положил руку на плечо жены, широкой ладонью успокаивающе гладил его и нежным голосом сказал:

-В прошлом Гэ-ши обычно заставляла страдать тебя, однако ты, говоря о Ян Ян, тем не менее была снисходительна, понимаю, «вина матери не распространяется на ее детей». Однако к Няоняо ты много придираешься...

Супруги, не разговаривая, в обоюдном молчании сидели, прислонившись друг к другу, после очень и очень долгого времени госпожа Сяо долго вздохнула и сказала со смехом:

-Ты верно сказал, у меня тяжело на душе, в будущем я постараюсь изменить это.

Чэн Ши возликовал, с силой поцеловал жену в губы:

-Моя жена - великодушный человек, конечно, так и должно быть!

Госпожа Сяо оттолкнула прочь распускающего руки мужа и, высмеивая его, сказала:

-Ты-то, выступающий против правил старшего поколения, вот перейдешь в следующее поколение и обязательно когда-нибудь подойдет и твоя очередь!

Чэн Ши на полном серьезе сказал:

-Вовсе нет, вовсе нет. Чтобы стать влиятельным родом, требуется три поколения, мы сейчас только-только вышли из простого народа, естественно, нам дозволено возражать и осуждать, однако три поколения спустя это делать уже будет нельзя. Другими словами, уже нашим внукам нельзя будет говорить дурные слова и судить - правду ли или неправду говорили о нас с тобой! Если они осмелятся, то как раз госпожа к тому времени постигнет истину, а добившись

великой истины, выселит их вон. К тому времени «Канон сыновнего благочестия»* и закон почитания родителей будут близки к тому, чтобы рассыпаться в прах, и они будут переписывать и переписывать их до самой своей смерти!

*孝經 xiào jīng – «Канон сыновнего благочестия» один из основных канонических текстов конфуцианства.

Госпожа Сяо, невольно улыбаясь, наконец-то громко расхохоталась.

<http://tl.rulate.ru/book/77281/2787191>